

Евг.
ЕВТУШЕНКО

СТРАННЫЕ ИЗЫСКАНИЯ

Сколько сожальтельны для нас, сегодняшних воспитанников огромного наследия великой русской литературы, те ссоры, в которые впадали когда-то прекрасные писатели. Но история помирила их в нашей благоговейной памяти. Да и не всегда писатели-современники ссорятся сами. Их, бывает, ссорят. Все малоталанливое, ограниченное, делаческое понимает, что легче мешать настоящим талантам, если они порознь. К сожалению, есть люди, играющие при больших писателях роль литературных «прилипал» — так называемое окружение. «Окружение» литературное порой объективно становится окружением «стратегическим», принося в литературную полемику нездоровые черты воинственного характера. Аппетиты «окружения» иногда возрастают настолько, что оно само уже требует от окружаемого части его лавров.

В словаре русских рифм Абрамova, зарифмованы слова «интриги» и «жиги». Однако в жизни это антирифмы. Интриги в литературе разрушительны. Задача нашего литературоведения — анализировать горькие плоды групповщины, хотя бы после смерти помирить ссорившихся при жизни писателей в сознании читателей и сделать все, чтобы печальные прецеденты не повторялись.

Однако, вольно или невольно, некоторые литературоведы, не слишком декорируя свои попытки расслоить современную литературу на «чистых» и «нечистых», вызывают на помощь историю нашей словесности, делая ее фоном своих ретроспективных интриг.

В сборнике «Контекст-1979» опубликована весьма странная статья С. Небольсина «К вопросу о классических традициях». Со скрупулезностью, заслужи-

вающей более достойного приращения, автор прослеживает историю малейших размолвок между писателями. И не только размолвок. Например, восхищение одних писателей перед другими он почему-то рассматривает только как ощущение собственной малости. Так Небольсин трактует стихотворение юного Багрицкого «Гимн Маяковскому». Но с какой поры почтительность к старшим, заслуживающим этого почтения, была самоуничтожением?

С Маяковским Небольсин более осторожен, но и сквозь эту осторожность прорывается бесцеремонная ухмылочка:

«Маяковский, в свою очередь, тоже был встревожен существованием Блока (он что — его смерти хотел, что ли? — Е. Е.) — и, когда умер поэт, поспешил назвать и его самого, и его поэзию вчерашним днем... хотя многое из этой поэзии ему самому предстояло повторить». В доказательство того, что Маяковский «повторил» поэзию Блока, почему-то приводится цитата Маяковского: «Творчество Александра Блока — целая поэтическая эпоха». Разве такая высокая оценка означает повторение Блока?

Никакого писателя нельзя причислять к касте «неприкасаемых». Но прикасаться к произведениям следует только чистыми руками. Попробуем проследить логическую концепцию Небольсина по отношению к Маяковскому и манипуляцию высказываниями К. Чуковского, вырванными из контекста: «...если Наполеон настаивал, что он сам себе предок, и если, по К. Чуковскому, «вдохновенным громоилой», у которого «нет никаких предков», был Маяковский, то в искусстве есть и более изощренный и зрелый, более практичный и

грезный бонапартизм». Вывод ясен — Маяковский был бонапартистом, только еще недостаточно изощренным. Это Маяковский-то, который говорил про себя с юношеской громкостью: «Наполеона поведу, как мопса!» Это Маяковский-то, который имел полное право сказать о себе в конце жизни: «Я подыму, как большевистский партбилет, все сто томов моих партийных книжек!»

Так же бесцеремонен автор статьи и с Николаем Асеевым. Выдергивая из контекста нужные ему цитаты из Асеева, Небольсин пытается представить этого поэта как некоего ратоборца с классическими традициями в современной поэзии. Небольсин, должно быть, не знает или делает вид, что не знает о том, что именно Асеев поддержал своей статьей первые шаги молодого Александра Твардовского.

Особо долго и тщательно автор копается в отношениях между Блоком и тогда еще совсем молодой Анной Ахматовой. Небольсин беллетризованно смакует размолвки, выхватывая фразу Блока «Анна Андреевна, мы не тенора» из ахматовских воспоминаний (она не боялась процитировать эту неслестную для себя фразу. — Е. Е.). Затем следует авторская поразительная ремарка: «Поняв, конечно, эту тактичную колкость сразу, Анна Андреевна спустя полвека... назвала «тенором» самого Блока...».

Ну и ну... Как же можно превращать историю литературы и сложные, видимо, взаимоотношения двух таких разных, но по своему крупных индивидуальных стилей в сплетни, в мелкую базарную перепалку через пятьдесят лет! Ясно одно: не удосужилась Анна Андреевна Ахматова обрести симпатии Небольсина. Од-

нако далее он переходит уже прямо-таки к самодеятельному шерлоххолмству: «Именно тогда, когда петроградская общественность увлеченно знакомилась с архивом Блока, поэтесса прекратила сотрудничество с издательствами...».

Зачем обвинять поэта — а не поэтессу! — в умышленном молчании? Но и этого Небольсину мало: «...она решила снова выступить в печати лишь в тот самый момент... когда стало ясно, что публикация блоковских дневников не состоится...». Оскорбительные гипотезы все-таки нужно аргументировать. Не думаю, что Ахматова была способна прятать свои стихи от читателей только потому, что в блоковских дневниках она была, по мнению Небольсина, скомпрометирована (прочитав эти дневники, никто такой компрометации не увидел).

Небольсину не по душе не только Ахматова, но и Цветаева. Вот пример издевательского монтажа цветаевской цитаты: «Мне нравится, что можно быть смешной, распущенной», — глумливо говорила о себе эстетика модернизма». Это Цветаева-то, вся выросшая из русских причитаний, — модернистка, да еще и глумливая? Поосторожней надо обращаться с большими поэтами...

Список не нравящихся Небольсину поэтов вырастает почти до размеров антологии. Никто не требует идеологического, но нельзя нарушать элементарное человеческое уважение, бесконечно ретроспективно интригуя. Вот как — на сей раз действительно глумливо! — трактуются восхищенные строки Пастернака о Скрябине: «О, куда мне бежать от шагов моего божества!» — «Пастернак бежит от «божества», которое его, судя по всему, не ищет».

Небольсин якобы ратует за сохранение классических традиций и одновременно изымает из русской советской классики Ахматову, Цветаеву, Маяковского, Пастернака, Асеева. Странное противоречие в тезисах литературоведа, вроде бы пекущегося о традициях классики... Но так ли уж на самом деле Небольсин печется о них?

Забора о классике предполагает знание всей атмосферы искусства. А Небольсину ничего не стоит назвать Владимира Нарбута Ю. Нарбутом, не смущается он и в любительских определениях: «раздражающее (кого? — Е. Е.) загадочная (для кого? — Е. Е.) внеэстетическая (а эта кругленькая цифра точная? — Е. Е.) национальная традиция...». После загадочной метафоры: «...блуд человека-артиста суфразистских (какая любовь к иностранцам у блюстителя классических русских традиций! — Е. Е.) идеалов с автоматом в руках» следуют банальные сентенции, перепианные из какого-то абитуриентского сочинения: «...в традиционном наиболее существенная его деятельная и живая энергия...».

Что за неуважение к классике в статье, названной «К вопросу о классических традициях»? Что за нарушения святого правила — не вырывать слова из контекста в сборнике, называющемся «Контекст»?

Не надо отлучать от классического наследия тех, которые этим наследием уже стали.

К счастью, такая задача неосуществима.

Ретроспективные интриги не могут помочь решению сегодняшних проблем искусства. Собрание талантов и прошлое, и настоящее в единое целое, не менее важно, чем собирательство русских земель во едино Иваном Калитой.